

СЛОЖНА и нелегка была судьба этого издания. Его идею выдвинул еще в 1958 году известный, ныне уже покойный, исследователь жизни и творчества Лермонтова Л. Семенов. Она была подхвачена группой ленинградских лермонтоведов при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Группу возглавил В. Мануйлов — он и главный редактор «Лермонтовской энциклопедии». Трудно переоценить заслуги и заместителя главного редактора издания В. Вацура — одного из активнейших его авторов. Работа велась Пушкинским Домом совместно с редакцией литературы и языка издательства «Советская энциклопедия». Редакцию многие годы возглавлял недавно скончавшийся В. Жданов, сумевший организовать вокруг энциклопедии московских ученых; на заключительном этапе его функции перешли к М. Хитрову. Много споров было на подготовительной стадии работы — при составлении «Словника», толковании отдельных проблем.

И действительно, труд предстоял огромный. Необходимо было не только обобщить богатейший опыт отечественного и зарубежного лермонтоведения, но и провести колоссальную разрысковую работу: исследовать все архивные и мемуарные источники, журнальную периодику, уточнить, а подчас и впервые разработать ряд проблем биографического и творческого характера.

И вот уникальное издание — плод многолетнего энтузиастического труда двух сотен исследователей, маститых и молодых, советских и зарубежных (их имена перечислены на первой странице) перед нами. Том широкоформатный, нарядный, почти с четырьмястами иллюстрациями... И читается, и разглядывается с величайшим наслаждением.

Открывает энциклопедию вводная статья И. Андроникова «Образ Лермонтова». Как это хорошо придумано: именно на пороге познания огромнейшего материала, заключенного в томе, мы как бы вызываем в своем сознании образ поэта, каким он уже запечатлелся в нашем сердце и уме, ибо с детства мы знаем его стихи, столько насыщены и начитаны о нем. Статья И. Андроникова — сплошь искание, попытка представить образ великого поэта и человека. Обращаясь к различным источникам — изобразительным материалам, мемуарным свидетельствам, автор показывает их противоречивость: грандиозная личность поэта не поддавалась адекватному воплощению. Что касается внешних абрисов, то может быть, верен своей неприязнательностью и естественностью карандашный набросок, сделанный Д. Паленом, — Лермонтов в профиль, в смятой фуражке, небритый, после Валерика. Убеждает и акварельный автопортрет — Лермонтов на фоне Кавказских гор, в бурке, с кинжалом на поясе, с огромными печальными глазами. Динамику резких смен душевных состояний, мыслей, постоянно отражавшихся на лице Лермонтова, улавливали далеко не многие современники поэта — М. Меликов, М. Лобанов-Ростовский. В большей же части мемуарных свидетельств — непримиримые разнотолки. Но лучший портрет Лермонтова, конечно, — его собственное творчество.

Неотвязно преследует нас щемящая боль о непоправимой утрате. Ее хорошо выразил И. А. Бунин за три дня до своей кончины: «Представить себе нельзя, до какой высоты этот человек поднялся бы, если б не погиб двадцати семи лет». В самом деле, почти в тех же исторических условиях, в которых возрос гений Пушкина и, кажется, исчерпал их сполна, тут же, в день смерти великого поэта встает новая звезда русской литературы.

Творчество Лермонтова полно перепадов и не вполне еще объясненных контрастов. Он создает шедевры романтической поэзии — «Демона» и «Мцыри» и тут же полную тонкую иронию по отношению к себе самому и всему романтическому направлению — «Сказку для детей». А «Герой нашего времени»? Сколько споров среди ученых породило это произведение! Споры старые, вечные и каждый раз новые. С ними знакомит читателей энциклопедии статья Б. Удодова. Скрупулезно точно Э. Найдич обосновывает значение восьмой редакции «Демона» и авторитетность копии с автографа, сделанной А. Философовым (копия была обнаружена покойной А. Михайловой в 1939 году). Но как толковать «Демона» — психологический автопортрет, развенчание индивидуализма, протест во имя свободы и прав личности? По всем этим вопросам еще ведутся дискуссии. Не праздной остается и старая задача: логика прочтения общей эволюции Лермонтова: что «старше» по мысли, по значению — «Мцыри» или «Демон»? Говорят, не надо выставлять отметки гениям и их созданиям. И все-таки должна же быть концептуально обоснованная точка отсчета эстетической ценности!

Всей совокупностью своих данных энциклопедия наносит удар по представлениям, которые еще были у мемуариста В. Соллогуба, у исследователя С. Дурылина, что литературные интересы Лермонтова — случайность посреди его офицерских и светских увлечений. Перед нами встает образ Лермонтова — человека, одержимого преданного искусству, профессо-

НОВИНКИ

ВСЕ О ЛЕРМОНТОВЕ

В. КУЛЕШОВ,
доктор филологических наук

нального литератора, сраставшегося с «Отечественными записками», в которых задавали тон Белинский, Герцен, органически влиявшего на умонастроения самых великих своих соотечественников. И горькой нотой тьмается сведенный в энциклопедию материал, касающийся резкой перемены жизненного пути Лермонтова, когда водные ринули его по «маршировке, парадировке» в шнолу гвардейских подпорщников, а это определило скитания поэта по полнам, уже не имевшим былого блеска побед 1812 года, ведущим теперь завоевательную войну на Кавказе. Лермонтов-офицер попал в невыносимо двойственное положение.

Материал в энциклопедии выстраивается внутри алфавита: биография, друзья и знакомые, недруги и враги, творчество, поэтика, стиль, связь Лермонтова с русской литературой, влияние на литературный процесс, переводы его произведений на языки народов СССР, зарубежные литературы, театр, кинематограф, музыка, изобразительное искусство — в их взаимоотношениях с Лермонтовым. Статьи — о рукописном наследии, изданиях, о цензуре. Есть хронологическая канва — летопись жизни и творчества Лермонтова. Есть обзорная статья «Лермонтоведение», в которой рассказывается история изучения жизни и творчества поэта, начиная с работ Белинского. Описаны лермонтовские места в их прошлом и настоящем. Приведена основная библиография работ о поэте.

Многие статьи энциклопедии, даже на отвлеченно-теоретические темы, которые уходят далеко в науку, породили целую литературу, носят вполне оригинальный характер, содержат смелые и свежие решения. Возьмем такой деликатный, все еще робко у нас решаемый вопрос, как заимствования, влияния, посреди которых складывался гений Лермонтова. Как его обойти? Не миновать тут проблемы «байронизма» у Лермонтова. О Пушкине и Байроне есть прекрасная книга В. Жирмунского, она живет уже почти шестьдесят лет. А вот о Лермонтове и Байроне такого исчерпывающего исследования до сих пор нет. В статье Н. Дьяконовой о Байроне, помещенной в энциклопедию, указаны большие области, в которых Лермонтов сходилась с Байроном, раскрыт вопрос о преодолении русским поэтом «байронизма». Глубже, убедительнее стал разговор у лермонтоведов и о библейских мотивах у Лермонтова (в статье И. Роднянской показывается, что библейские мотивы вырастали у поэта из презрения к суевенному послушанию «высшей силе»: «Где есть Демон, там нет бога»). Сложными витнами проходит в энциклопедии серьезно, широко разработанная тема лермонтовских влияний, восприятия Лермонтова русскими писателями, поэтами, включая и наших современников. Так, Анна Ахматова, «пушкинистка» по своему душевному складу, тем не менее признавалась, что ее интерес к Лермонтову «границит с наваждением». Весьма лично воспринимает Лермонтова Белла Ахмадулина — лермонтовская тема включена в ее духовную ситуацию.

Известный автобиографизм творчества Лермонтова позволяет ставить вопрос о диалектике взаимодействия между прототипом-автором и всезначимостью созданного им художественного образа. В энциклопедии прослежена сложная связь звеньев: автор — повествователь — герой (статья Э. Веденяпиной). Но у Лермонтова подмечаются случаи, когда сиюминутные настроения вытекают из некоего обширного целого, что и показано В. Масловским на превосходном анализе стихотворения «И скучно и грустно». Обаятельную черту многих статей, при всем их справочно-деловом характере, — брать явление «живьем», мы встречаем в заметках о женщинах, в которых Лермонтов испытывал сердечную привязанность, например, о Вареньке Лопухиной и ее сестре (авторы Н. Пахомов, Е. Хмелевская).

Мы говорим, что в энциклопедии дано все о Лермонтове. Это, конечно, так. Все — применительно к сегодняшнему уровню знаний, состоянию науки. Но энциклопедия добросовестно заявляет о нерешенных вопросах, о «белых пятнах». Открытыми для дальнейших уточнений остаются толкования стихотворений: «Великий муж! здесь нет награды», «Как часто пестрою толпою окружен». Мы еще не знаем окончательно, что такое, если не полая фальсификация, девятнадцать стихотворений, девятнадцать Ф. Шендштедтом Лермонтову. В какой связи находятся эти девятнадцать с теми семнадцатью стихотворениями, которые М. Глебов, друг и секундант Лермонтова, передавал Боденштедту для перевода на немецкий язык, и они были ему возвращены, а впоследствии утрачены. Если поддельность доказана, то все же что означает возможность ее знакомства с Лермонтовым, которая не исключена? И снова проходит по ряду статей вопрос: безнадежно ли погибла переписка издателя «Отечественных записок» А. Краевского с Лермонтовым? Будет ли когда-нибудь найдены оригиналы «Умирающего гладиатора», «Борода», «Даров Терек», «Процай, нем-

тая Россия...», «Сашки», «Песни про купца Калашникова», последней редакции «Демона»?

Энциклопедия сводит в едином томе не только то, что мы знаем о Лермонтове, но и то, чего мы еще не знаем, о чем еще предстоят споры. Она подводит итог поискам, но и рождает новые идеи.

Раздел «Мотивы поэзии Лермонтова» с трудом, несколько мне известно, шел во время подготовки энциклопедии. Но получился он интересный: ведь и правда, у Лермонтова улавливаются присущие только ему мотивы, настроения, закрепленные поэтическими формулами, по которым мы мгновенно узнаем его: одиночество, странничество, свобода и воля, память и забвение, обман и мщение, земля и небо, время и вечность... Конечно, многие из них встречаются и у других поэтов. Но у Лермонтова — везде свой, неповторимый поворот.

Что касается критических замечаний, то и они есть.

В заметках о «Последнем новоселии», о Н. Сатине, «Наполеоновском цикле» — важное упущение: не упомянуто стихотворение Сатина «К поэту-судье», полемически направленное против «Последнего новоселия» Лермонтова и появившееся тремя номерами позднее в тех же «Отечественных записках» 1841 года. Думается, выступление Сатина против лермонтовского «французодства» повлияло позднее на передачу в сатинских воспоминаниях сущности спора между Белинским и Лермонтовым в Пятигорске в 1837 году, происшедшем на квартире Сатина; следовало бы полнее отобразить существующие по этому вопросу версии понимания. Напрасно в заметке о «Думе» противопоставляются позиции Лермонтова и Белинского в их отношении к современному поколению и общественному равнодушию. «Дума» не является «похоронной песнью», ибо самая горечь признаний поэта — «мы», «наше», «нам» — залог оптимизма, поэтому-то Белинский и видел в «Думе» живительный, грозной разряд. Стихотворение «Журналист, читатель и писатель» не раскрыто в связи с практикой участия Лермонтова в «Отечественных записках». В интерпретации этого стихотворения слишком большой перевес получают декларации «пушкинского круга» против коммерческой литературы смирдинского периода и журналов, которые «страшно брать без перчаток». Этот разговор в стихах имел своеобразное продолжение в реально состоявшемся разговоре «журналиста» Белинского с «писателем» Лермонтовым во время встречи в Ордонансгаузе.

Есть в энциклопедии весьма оригинальные новинки: приложены «Словарь рифм М. Ю. Лермонтова» и «Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова» (составлены под редакцией В. Бородини и Я. Шайкевича), подготовлены словари сотрудниками Института прикладной математики и кибернетики в городе Горьком, с использованием электронно-вычислительной техники. Этот выверенный материал полезен для сравнения, создает объективно научную основу для изучения стихотворной техники, русского литературного языка, полезен для широкого читателя как инструмент для поисков контекстов по отдельной запомнившейся стихотворной строчке. Предположим, у читателя в памяти сохранилась строчка: «Иль с небом гордая вражда». В словаре рифм на слово «вражда» находится семь адресов, и один из них и есть искомое место, им оказывается одна из редакций поэмы «Демон». Тут же указываются том и страница соответствующего издания. Частотный словарь дает возможность определить распространенность слова в языке Лермонтова, а также его стилистическую окраску, вывести норму стегзны употребительности слова в русском языке в первой половине XIX века, позволяет судить о тематичности русской лексики и «стилистических» пристрастиях эпохи.

Радуюсь подвигу большого коллектива ученых и поздравляя читателей с прекрасным приобретением, выразим надежду, что вслед за «Лермонтовской» в обозримом будущем появится и «Пушкинская энциклопедия». А потом давайте помечтаем и «Гоголевская», «Толстовская», «Чеховская», «Горьковская»... Подобные итоговые издания, закрепляющие научный опыт многих поколений, намечают новые перспективы исследований, необходимы нам, как воздух. Их преждекультурное мировое значение трудно переоценить,

Вышла в свет «Лермонтовская энциклопедия» — издание исключительной научной и общественной важности. В мире существуют подобного типа энциклопедии по Данте, Шекспиру, Гёте, Шиллеру, Бёрнсу, Диккенсу... И вот у нас, на русском языке, — первая, уникальная, лермонтовская...

ЛЕРМОНТОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

241